

— В то время я была самой молодой проституткой на этой улице, и моя цена была невысокой. Меня держали взаперти дома, и я не могла отличить день от ночи, не могла понять, кто был мужчиной, который на мне лежал.

— Моя мать покончила с собой, прыгнув с крыши, когда мне было шестнадцать. Перед этим она вызвала полицию, и мой отец попал в тюрьму.

— Скажи, почему она так поздно вызвала полицию? Три года я была заперта в этом доме, сколько бы я ни кричала и ни умоляла о помощи, ничего не менялось. Как свинья. — На лице А Юнь не было ни гнева, ни ненависти, все эмоции исчезли за долгие годы.

Янь Сюй знал, что А Юнь не ждала ответа. Она просто искала способ выговориться, и знала, что её слова будут записаны Янь Сюем.

Их отношения не были дружескими, это была лишь сделка, поддерживаемая деньгами.

А Юнь снова закурила, держа сигарету во рту с привычной лёгкостью:

— Потом его посадили, но мои бабушка и дедушка считали меня грязной, родственники называли меня шлюхой, и никто не хотел меня приютить. Тогда я опустила и снова занялась этим. В то время я была молодой и думала: вы считаете меня грязной? Тогда я буду грязной, чтобы вас раздражать.

— Я ошиблась, — вздохнула А Юнь. — Сейчас уже поздно что-то менять.

— Те, кому я не была важна, не заботились о том, грязная я или нет, и не интересовались, как я живу.

— В прошлом году я вернулась в родной город и увидела своих бабушку и дедушку. Они всё ещё живы, нянчат нового внука. Когда они увидели меня, то спросили: «Девушка, а ты чья?»

А Юнь закрыла лицо руками:

— Смешно, правда? Я помнила их всю жизнь, а они уже забыли, кто я.

Янь Сюй не знал, как её утешить. Он не переживал ничего подобного, и любые слова утешения звучали бы пусто.

— Я заболела, — сказала А Юнь. — Венерической болезнью, неизлечимой. Мне плохо.

— Ты... — Янь Сюй не закончил фразу.

— Ты думаешь, что я вредитель? — улыбнулась А Юнь. — Думаешь, что, зная о своей болезни, я всё равно принимаю клиентов и врежу им? Но кто они сами по себе?

Увидев, что Янь Сюй молчит, А Юнь долго ждала, сдерживаясь, но в конце концов сказала:

— Не переживай, тем, кто мне не навредил, я даю презервативы. А тем, кто приходил ко мне в детстве, я оставляю только изуродованное тело.

Янь Сюй тихо вздохнул. Впервые он сел рядом с А Юнь. В этом домике везде была пыль, но Янь Сюй не обращал на это внимания. Он погладил А Юнь по голове, как будто она была той четырнадцатилетней девочкой, и тихо сказал:

— Всё позади.

А Юнь, которая всё время сохраняла каменное выражение лица, вдруг разрыдалась.

Она плакала и смеялась одновременно:

— Видишь этот домик? Я построила его, когда мне было двадцать. Тогда я встретила человека. Он был самым красивым из всех, кого я видела. Он сказал, что увезёт меня, даст мне хорошую жизнь, я буду заниматься тем, что люблю, и никто не будет меня презирать.

Янь Сюй не спросил, куда ушёл тот человек, потому что, если бы он выполнил своё обещание, А Юнь сейчас не была бы здесь.

— Он сказал, что ему нужно решить кое-какие дела, — слёзы текли по лицу А Юнь, размывая её макияж. — Он ушёл и больше не вернулся. Он не оставил мне ни одной фотографии, и теперь я даже не помню, как он выглядел.

А Юнь говорила, плача, что тоже пыталась сбежать отсюда, но из-за слабости и страха отказалась от этого.

У неё был шанс спасти себя, но она позволила ему ускользнуть.

Первая половина её короткой жизни была наполнена несчастьями, которые ей принесли родители.

Вторая половина была результатом её собственного отказа от борьбы и падения.

Если раньше она могла винить родителей, то теперь её жизнь была её собственным выбором.

Неизвестно, сколько времени прошло, но А Юнь закрыла глаза и уснула на этой грязной кровати.

Янь Сюй, конечно, не мог лечь спать вместе с ней. Он сел на деревянный стул рядом и начал просматривать фотографии, сделанные за последние дни. На снимках А Юнь выглядела с удивительной усталой красотой. Она была в дешёвых колготках с дырками, прислонившись к грязной стене. Освещение было удачным, с тёплым оранжевым оттенком, создающим атмосферу.

Этот снимок обладал огромной визуальной силой: красивое тело, грязная обстановка, атмосфера отчаяния.

Возможно, это была лучшая фотография, которую Янь Сюй сделал за это время.

Раньше, снимая животных и растения, Янь Сюй выбирал самые красивые и полные надежды моменты. Но теперь, сменив тему, он почувствовал, что преодолел себя.

Пока Янь Сюй был погружён в свои мысли, перед ним внезапно появился человек, чья тень закрыла свет.

Янь Сюй поднял глаза. Человек стоял спиной к свету, словно вышел из солнечных лучей. На нём была чистая белая футболка, светлые джинсы и белые кроссовки. По виду он напоминал студента, и от него исходило ощущение солнечной энергии.

Он был красив, с большими выразительными глазами, светлой кожей и каштановыми волосами, которые на солнце выглядели мягкими и слегка вьющимися.

На его лице была улыбка. Прежде чем Янь Сюй успел опомниться, человек поздоровался:

— Меня зовут Чжэньхэ, Юань Чжэньхэ.

Имя звучало величественно, но не соответствовало его внешности. Янь Сюй на мгновение задумался, но быстро ответил:

— Я Янь Сюй. Ты...

— Я пришёл за ней, — Юань Чжэньхэ указал на спящую А Юнь. Его голос был спокойным. — Мы не виделись много лет, не знаю, помнит ли она меня.

Возможно, из-за того, что их голоса были похожи, А Юнь проснулась. Первое, что она увидела, был мужчина, стоящий на фоне солнечного света. Человек, которого она одновременно знала и не знала.

— Чжэньхэ? — неуверенно позвала А Юнь, её голос дрожал, и Янь Сюй услышал в нём смесь радости и горя, двух противоположных эмоций.

А Юнь встала босиком, её ноги касались грязной земли.

— Ты... — А Юнь замерла. — Ты совсем не изменился.

Старый знакомый всё ещё выглядел молодым и красивым, а она постарела и продолжала жить неустроенной жизнью, занимаясь делом, которое никто не уважает. Каждый его взгляд, каждое выражение лица, казалось, спрашивали её: как ты дошла до такого?

А Юнь не могла смотреть на него. Она беспомощно закрыла лицо руками.

Прошло около получаса, прежде чем А Юнь успокоилась. Она и Юань Чжэньхэ сели на землю лицом к лицу. Молодой человек в белой футболке не обращал внимания на грязь.

Янь Сюй сидел позади них. Он не фотографировал и не слушал их разговор. Собрав свои вещи, он тихо ушёл.

У каждого была своя жизнь, и некоторые её стороны не хотелось выставлять напоказ.

Но Янь Сюй не знал, что, когда он уходил, взгляд Юань Чжэньхэ следовал за ним.

Янь Сюй вернулся домой рано. Он договорился с Цзин Цичэнем вернуться до четырёх, но пришёл уже в два. Цзин Цичэнь в это время спал с Дань-Данем.

Когда раздался звук замка, Дань-Дань и Цзин Цичэнь проснулись. Дань-Дань потер глаза и устроился на руках у «мамы». С тех пор, как прошлой ночью папа спал с дядей Цзином, Дань-Дань решил, что дядя Цзин — это его мама. Но так как папа ещё не сделал предложение, как в сериалах, Дань-Дань пока не мог называть его мамой.

— Так рано? — сказал Цзин Цичэнь.

Затем он привычно встал, взял оборудование из рук Янь Сюя и поставил его на место.

Янь Сюй, проехав столько времени, действительно устал. Он зевнул, налил себе воды, выпил залпом и отрыгнул:

— Произошло кое-что, поэтому вернулся раньше.

— Как съёмки? — спросил Цзин Цичэнь, зная, что у Янь Сюя и его объекта съёмки был договор на месяц, и до конца оставалось меньше недели.

Янь Сюй кивнул:

— Есть несколько удачных. Покажу тебе.

<http://bllate.org/book/15574/1386947>